

ЦИКЛ «ТАЙНЫЙ ГОРОД»

ВОЙНЫ НАЧИНАЮТ НЕУДАЧНИКИ
КОМАНДОР ВОЙНЫ
АТАКА ПО ПРАВИЛАМ
ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО
И В АДУ ЕСТЬ ГЕРОИ
НАЛОЖНИЦЫ НЕНАВИСТИ
КУКОЛКА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ
ТЕНЬ ИНКВИЗИТОРА
КАФЕДРА СТРАННИКОВ
ПРАВИЛА КРОВИ
КОРОЛЕВСКИЙ КРЕСТ
ЦАРЬ ГОРЫ
ДЕНЬ ДРАКОНА
ЗАПАХ СТРАХА
РЕБУС ГАЛЛА
ПАУТИНА ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ
В КРУГЕ ВРЕМЕН
МИСТЕРИЯ МСТИ
ДИКИЕ ПЕРСЫ
ОХОТА НА ГОРНОСТАЯ
ЗЕЛЕНЫЙ ГАМБИТ
ДУРАКИ УМИРАЮТ ПЕРВЫМИ
ОХОТНИКИ НА ВАМПИРОВ
СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО
НОЧЬ СОЛНЦА
ПЕРСТЕНЬ ПАРАЦЕЛЬСА
ЖАЖДА
ИСПОЛНЯЮЩИЙ ЖЕЛАНИЯ
РОДНАЯ КРОВЬ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СИЛЫ
ПОЦЕЛУЙ УРОБОРОСА
НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКАНОВ
КРАСНАЯ УГРОЗА
ПОРЧЕНАЯ КРОВЬ
САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТРАНИЦА «ТАЙНОГО ГОРОДА»
В ИНТЕРНЕТЕ: T-GRAD.COM

ЦИКЛ «АНКЛАВЫ»

МОСКОВСКИЙ КЛУБ
ПОВОДЫРИ НА РАСПУТЬЕ
КОСТРЫ НА АЛТАРЯХ
ПРОДАВЦЫ НЕВОЗМОЖНОГО
ХАОСОВЕРШЕНСТВО
НЕПОСТИЖИМАЯ КОНЦЕПЦИЯ

ЦИКЛ «LA MYSTIQUE DE MOSCOU»

ТАГАНСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МЕХАНИКА
РУЧНОЙ ПРИВОД

ЦИКЛ «ГЕРМЕТИКОН»:

ПОСЛЕДНИЙ АДМИРАЛ ЗАГРАТЫ
КРАСНЫЕ КАМНИ БЕЛОГО
КАРДОНИЙСКАЯ РУЛЕТКА
КАРДОНИЙСКАЯ ПЕТЛЯ
СОКРОВИЩА ЧИСТОГО РАЗУМА
ПРОШЛОЕ ДОЛЖНО УМЕРЕТЬ

✧ ВАДИМ ПАНОВ ✧

ПРОШЛОЕ
ДОЛЖНО УМЕРЕТЬ

МОСКВА + + 2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Оформление серии *С. Прохоровой*
Серия основана в 2005 году
Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Панов, Вадим Юрьевич.
П16 Прошлое должно умереть / Вадим Панов. — Москва :
Эксмо, 2020. — 384 с. — (Тайный Город).

ISBN 978-5-04-109265-8

Мессеру Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Туру, дворянину и славному воину, угрожает смертельная опасность... Преследуя террориста Огнедела, убийцу своей возлюбленной, герой, известный всему Герметикону своим суровым характером, должен найти союзников, которые помогут в столь непростом деле. Но противник хитер и желает сокрушить железного Помпилио ударом по самым близким и дорогим для него людям... Сможет ли дер Даген Тур отомстить? Ведь для того, чтобы жить, Помпилио нужно убить свое прошлое...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109265-8

© Панов В.Ю., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ПРОЛОГ,

*в котором пытливый путешественник с интересом
изучает нюансы провинциального правосудия*

— Веревка? — хмыкнул Помпилио, с искренним удивлением рассматривая виселицу.

— Да, веревка.

— Для меня?

— Ты сегодня герой дня, — подтвердил констебль. — Правда, ненадолго.

— Но говорить о тебе добрые жители Фоксвилля станут до вечера, — добавил мэр. — Пока не напьются.

Виселица оказалась старой, много чего повидавшей, но крепкой. Во время общегородских собраний она использовалась в качестве трибуны, с которой выступали мэр Чапли и констебль Дребренди, осуществляющие в Фоксвилле государственную власть, однако сегодня виселицу готовились использовать по назначению, для чего тщательно проверили работу механизма и прикрепили новую веревку.

— Ты серьезно? — продолжил Помпилио. — Вешать?

— Тебя что, никогда не вешали? — поинтересовался констебль. — Странно, учитывая, скольким людям ты успел насолить.

— Я — честный путешественник.

— Ты — бандит и убийца, — перебил Помпилио Дребренди. — Нас не обманешь.

— Потому что именно здесь, на пограничной планете, живут самые проницательные во Вселенной констебли, — проворчал Помпилио.

— Что ты сказал?

— Припомнил, что однажды меня действительно хотели повесить.

— И чем все закончилось? — уточнил любознательный Дребренди.

Помпилио ответил выразительным взглядом, после чего добавил:

— Деталей не помню, но кое-кто точно умер.

Констебль хмыкнул. Он плохо понял ответ пленника.

Разговор начался, когда Дребренди вывел связанного адигена¹ из городской тюрьмы — крепкого сарая, стоящего на заднем дворе мэрии, и они, сопровождаемые двумя охранниками с винтовками наизготовку, направились на главную площадь Фоксвилля. Причем инициатором стал Помпилио: он несколько раз задавал наводящие вопросы, однако среагировал Дребренди только на упоминание виселицы.

— Сегодняшнее повешение ты не забудешь, — пообещал констебль. — У нас тут народ простой и диковатый, пограничная планета, сам понимаешь. Работы много, работа тяжелая, а развлечений мало, к нам даже передвижной цирк не всегда заглядывает.

— Сочувствую.

— Поэтому мы тебя не пристрелили, — продолжил Дребренди. — Вешать и дольше, и смешнее. А после каждого повешения выручка бара подскакивает вчетверо.

— Бар принадлежит тебе?

— Как ты догадался?

— Ты постоянно открываешь рот, чтобы спросить, что я буду заказывать, но вовремя вспоминаешь, что находишься на другой работе.

¹ Значение этого и прочих используемых в Герметиконе слов и выражений см. в словаре.

Один из охранников хмыкнул, но тут же спрятал улыбку, перехватив бешеный взгляд констебля.

— Сегодня я выпью лишний стаканчик, — пообещал Дребренди, взяв себя в руки. — Ты меня насмешил.

— Я только начал, — прищурился Помпилио.

Ответа на это заявление не последовало.

Констебль — высоченный, мощного сложения бородач с крупными чертами лица — охотно посмеялся бы над дерзостью пленника, но они как раз подошли к мэру Чапли и важному гостю из сферопорта, директору расположенной на Фархе фактории Компании, которому Чапли разве что ботинки не облизывал, и Дребренди решил, что хохотать при них не следует.

— Вот, — произнес он, выталкивая Помпилио на шаг вперед. — Наш сегодняшний герой.

Мэр и директор внимательно оглядели пленника, а тот — их. И прежде, чем важные персоны принялись обмениваться впечатлениями, резко бросил:

— Я тебя знаю, галанит! — и высокомерно кивнул на директора Фактории. — Видел твою рожу в сферопорту.

— Больше вежливости, — велел констебль, но не удостоился даже кривой усмешки в свой адрес.

А вот директор не обиделся, весело рассмеялся и осведомился:

— Страшно?

— Пока нет, — качнул головой Помпилио. — Посмотрим, что будет дальше.

— Дальше будет страшно, — пообещал директор и неожиданно представился: — Меня зовут Ауроберт Спесирчик.

Однако руки не подал.

— Не боишься называть имя?

— Его здесь знают, — отмахнулся галанит.

— А мое? — быстро спросил Помпилио и понял, что выстрелил в нужном направлении: мэр и констебль слегка помрачнели. Но именно слегка, отказываться от экзекуции они не собирались.

— Я хочу, чтобы ты знал, кто приказал тебя повесить, Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур, — негромко, но с видимым наслаждением произнес галанит. — А местным жителям не обязательно знать, кого они повесят. Их это не касается. А я... — он причмокнул губами. — Я войду в историю Галаны. Убью самого Помпилио! Героя Герметикона и любимца адигенов. И не просто убью, а повешу, как собаку, на радость и смех всей Галане.

— Можно будет устроить праздник.

— О твоей смерти напишут во всех газетах, причем шуток будет — хоть отбавляй.

Дер Даген Тур промолчал: уговаривать галанита отказать от казни не имело смысла. Зато теперь стала абсолютно ясна подоплека происходящего: Спасирчик заметил его в Гейтсбурге, сферопорту Фархи, каким-то образом выведаль его маршрут, скорее всего, подкупив одного из проводников, опередил их отряд, воспользовавшись тем, что Помпилио путешествовал по Фархе на лошадях, первым добрался до Фоксвилля и подготовил засаду. В местном трактире адигену подсыпали в жаркое что-то мощное, скорее всего — большую дозу фариция, а очнувшись, дер Даген Тур обнаружил себя в камере местной тюрьмы, обвиняемым в грабежах и убийстве. В убийствах, если быть точным: как выяснилось, он застрелил своих проводников, свидетелем чего, по стечению обстоятельств, стал один из помощников констебля.

— Если ты надеешься объявить с эшафота свое имя и тем смутить добрых жителей Фоксвилля, то не надейся, — пробормотал Дребренди, запихивая в рот пленника кляп. — С последним желанием, извини, тоже не получится.

Ситуация стремительно превращалась из плохой в катастрофическую. Руки связаны, рот заткнут, командует галанит, а их национальной чертой еще со времен Инезирской династии стала животная ненависть к адигенам. Помпилио понимал, что за него отомстят, возможно —

в ближайшие дни, прекрасно знал, как сыграть на этом и убедить людей опомниться, но не имел возможности.

Но страха не было, только вызванная бессилием ярость. Однако внешне это никак не проявлялось: адиген спокойно направился сквозь толпу к эшафоту, не обращая никакого внимания на летящие со всех сторон ругательства:

- Грабитель!
- Убийца!
- Сдохни!

Шел спокойно, с высоко поднятой головой.

Как все мужчины древнейшей лингийской династии даров — Кахлес, Помпилио дер Даген Тур отличался плотным, почти крестьянским сложением и был абсолютно лыс. Он мог сойти за деревенского кузнеца, крепости в нем хватало, однако лицо потомка бесчисленного числа правителей, и особенно его властное выражение, не оставляли сомнений в происхождении «кузнеца»: выпуклый лоб, надменный взгляд серо-стальных глаз, нос с горбинкой, упрямый подбородок... несмотря на то что сейчас дер Даген Тура был одет в простую цепарскую одежду, грубоватую, но удобную, со множеством карманов, любой житель Герметикона без труда опознал бы в нем адигена.

Но разгоряченные обитатели Фоксвилля были чресчур возбуждены предстоящим действием.

- Мерзавец!
- Смерть ему!
- Не жалейте убийцу!

А вместе с оскорблениями летели плевки и тычки, от которых охранники не спешили защищать пленника.

- Подонок!
- Ублюдок!

Фоксвилль был хоть и провинциальным поселением заштатной пограничной планеты, мог похвастаться населением в несколько тысяч человек, не меньше, и все они высыпали на площадь. Судя по всему, предыдущая

эзекуция состоялась давно, и жители успели соскучиться по зрелищу публичной казни.

— Проведите его по всей площади! Мы тоже хотим в него плюнуть!

— Не вешайте его слишком быстро!

— Не затягивайте сразу! Пусть потрепыхается!

Советы и пожелания летели до тех пор, пока мэр, за которым следовали палач и Помпилио, не поднялись на эшафот.

— Тихо! — рявкнул Чапли, и площадь мгновенно смолкла. — Граждане свободной республики Фарха! Возлюбленные жители Фоксвилля! Сегодня мы собрались для того, чтобы предать справедливому суду знаменитого грабителя и убийцу...

— Разве суда еще не было?! — крикнул кто-то из толпы.

— Был, — рассмеялся мэр.

— Тогда давайте вешать! Не останавливайся!

— Надеть ему мешок? — громко спросил палач, желая выдержать все положенные демократические процедуры.

— Да!

— Да!

— Нет!

— Да!

— Пусть так болтается!

— Без мешка!

— У них такие смешные ужимки!

Палач посмотрел на Чапли, тот пожал плечами, и мешок полетел в сторону.

— Не думайте, что я так же счастлив, как галанит, — неожиданно прошептал мэр на ухо Помпилио. — Просто я не могу ему отказать.

Ответом адигена стал короткий, но весьма выразительный взгляд.

— Начинай, — приказал Чапли, делая шаг назад.

Палач сделал шаг вперед и накинул на шею Помпилио петлю.

Толпа заволновалась.

Веревка в Фоксвилле оказалась грубоватой, но хорошо смазанной, и не было никаких сомнений в том, что задачу она выполнит.

— Не туго? — осведомился палач.

Снизу, из первого ряда, широко улыбался и пытался остроумно шутить Спесирчик, однако привлечь внимание адигена у него не получалось: дер Даген Тур готов был умереть, как трус, с закрытыми глазами, лишь бы не видеть перед смертью довольную рожу галанита. Поразмыслив, Помпилио посмотрел вверх, сменив вид озверелой толпы на образ безбрежного неба, и увидел на крыше мэрии человека с ружьем.

С винтовкой, если быть точным.

А если быть совсем точным, с прекрасной дальнобойной винтовкой «Шпрау», которую дер Даген Тур опознал по характерной форме приклада. Человек как раз занял удобную позицию и поднял оружие, изготовившись к стрельбе.

«Интересно...»

И в тот момент, когда палач сделал шаг к рычагу, намереваясь распахнуть люк и отправить знаменитого исследователя в последнее путешествие, стрелок надавил на спусковой крючок. Грохот выстрела прозвучал в тот же миг, когда тяжелая пуля влетела палачу в голову и швырнула на землю, но среагировать на него никто не успел... кроме мэра, который, проявив чудеса сообразительности и реакции, спрыгнул с эшафота и юркнул в толпу.

И вовремя спрыгнул, потому что первый выстрел не остался единственным: на крышах большинства домов оказались вооруженные люди, которые открыли огонь, заставив жителей Фоксвилля запаниковать. Причем стреляли они, как заметил Помпилио, не по людям, а по земле и поверх голов, не убивали, а разгоняли толпу, создавая хаос и неразбериху. И так же — предупредительно — повели огонь пулеметы из зависшего над

площадью цеппеля. И своей цели нападавшие добились: ничего не понимающие жители метались по площади в поисках укрытия, орали, ругались, сталкивались друг с другом, но не помышляли о какой-либо обороне. И никто не обратил внимания на сброшенную с корабля «корзину грешника».

— С вами все в порядке? — Вскочивший на эшафот цепарь сорвал с шеи Помпилио веревку и ловким ударом ножа освободил адигену руки. — Мы едва успели...

Однако договорить цепарь не успел: жизнь научила дер Даген Тура не доверять внезапно появляющимся спасителям, и первое, что сделал освобожденный от пут адиген — нанес сильнейший и совершенно неожиданный удар в челюсть, отправив цепаря в нокаут, после чего спрыгнул с эшафота и помчался к мэрии, возле которой заметил мотоциклет.

ГЛАВА 1,

*в которой Кира скучает, команда «Пытливого амуша»
готовится к походу, Огнедел получает обещание,
а Помпилио совершает увлекательное путешествие
по экзотическому лесу*

Самые старые миры Герметикона — планеты Ожерелья — являлись не только самыми заселенными, больше миллиарда жителей в каждом, но и самыми цивилизованными. И напоминали гигантские паротяги, тянущие человечество в будущее. Миры Ожерелья соперничали друг с другом во всем: в науке и промышленности, величии городов и тонкости искусства, в исследовании и обустройстве новых планет, на которых они традиционно создавали не колонии, а самостоятельные государства, превращая новые миры в свои подобия: в планеты, где власть принадлежала наследной аристократии.

Потому что самые старые миры Герметикона, за исключением Галаны, строго придерживались консервативных правил: власть — дарам, душа — Олгеменической церкви. Так пошло от Первых Царей, которые наследовали Добрым Праведникам, и так должно оставаться.

Оставаться, но не костенеть, и потому адигеном мог стать любой простолудин, обладающий должным умом, талантом или упорством — об этом тоже говорилось в заповедях Добрых Праведников и Первых Царей. А заповеди адигенами соблюдались. Где-то строго, где-то — как получится. Но если говорить о самой консервативной планете Ожерелья, то таковой по праву считалась Линга — оплот старинных правил и традиций. Мир, большинство даров которого вели свои родословные от Первого Царя. Мир,

сумевший устоять под натиском императора и добиться от великого завоевателя права на автономию. Мир, который люто ненавидели галаниты, потому что, несмотря на верность патриархальным традициям, Академия Наук заносчивых лингийцев не оскудевала на открытия, а промышленность считалась одной из лучших в Герметиконе.

Консерваторы шли вперед вместе со всеми, иногда — опережая всех, но при этом не менялись, сохранив себя на протяжении тысячи лет.

И городишко Даген Тур не менялся, оставаясь таким же тихим, уютным и полусонным, как в те далекие-далекие времена, когда основатель династии Кахлес увидел его и навсегда влюбился. Летом пыльный, зимой снежный, раскинувшийся на берегу озера Даген, но располагающийся вдали от традиционных торговых путей, городишко просто жил, с радостью встречая даров Кахлес, ищущих в нем тишину и покой, и не изменился даже после того, как в соседних горах обнаружили богатейшие запасы золота и меди. Ну нашли, ну денег стало больше, ну жить стало легче, но это же не повод превращать родной город в вертеп? Лингийцы вознесли хвалу Доброму Маркусу, публично выпороли шустрога дельца, решившего открыть в Даген Туре публичный дом для шахтеров, и вернулись к повседневным заботам. И лишь покивали головами, узнав, что к шахтам и прииску проложили железнодорожную ветку — вывозить добытое в Черемхейден. Мол, раз надо, значит, надо. Однако вокзал попросили выстроить за чертой города, чтобы не мешал.

Не очень удобно, однако настаивать на первоначальном плане прижать станцию к окраинным постройкам никто не стал — не в традициях. Да и опасно, учитывая любовь народа к оружию и либеральные правила, позволяющие владеть им любому законопослушному лингийцу.

В результате все новые строения, включая вокзал, оказались за пределами старого города, и жемчужина дарства Кахлес осталась безупречно красивой. И Кира дер Даген Тур не уставала ею любоваться.

Окна ее спальни смотрели на юг, на долину, и едва в каком-нибудь из фермерских домов начинал петь петух, Кира вскакивала с кровати, накидывала халат, распахивала тяжелые шторы, выходила на широкий балкон, кольцом охватывающий башню, и улыбалась, глядя на свой новый мир, на земли, название которых стало ее фамилией.

Глядя на адигенское владение Даген Тур.

Которым девушка любовалась в любую погоду, и в солнечную, и в пасмурную. С удовольствием разглядывала скалистые горы, нависающие над невероятно синими водами самого большого на Линге озера, пересчитывала рыбацкие суденышки, украшающие Даген белыми треугольниками парусов, и мысленно желала рыбакам удачи, а затем переводила взгляд на широкую долину, обрамленную высокими лесистыми горами. Долину, которую навеки скрепил с бескрайним озером старый город. Неменяющийся. Немного сонный. С высоченной колокольной собора Доброго Маркуса, уютными, утопающими в зелени домиками и узкими, мощенными булыжником улочками, по которым, как заверяли местные жители, ходил сам Праведник.

Проснувшись, Кира долго гуляла по балкону или стояла у окна, если шел дождь, и смотрела на свой новый дом, впитывала его, пыталась понять, почувствовать, чем привлек сей «медвежий угол» самую известную династию лингийских даров. И почему ее муж, блестящий Помпилио дер Даген Тур, знаменитый путешественник, исследователь и первооткрыватель, водящий дружбу едва ли не со всеми дарами Герметикона, при каждом удобном случае возвращается в любимое захолустье. И даже их свадьба, на которую съехался весь высший свет Ожерелья и адигенских союзов, состоялась в Даген Туре, а не в парадном Маркополисе.

Пыталась понять, но пока не понимала...

Налюбовавшись владениями и сполна надышавшись свежим воздухом, Кира вернулась в комнату, оставив